

**ПЕРЕМОДЕЛИРОВАНИЕ «ПЕСНИ О НИБЕЛУНГАХ»
В ПЬЕСАХ МОРИЦА РИНКЕ «ЖЕНЩИНЫ ЗИГФРИДА»
И «ПОСЛЕДНИЕ ДНИ БУРГУНДИИ»**

После того как в конце XVIII в. был опубликован полный текст средневековой «Песни о Нибелунгах», появилось большое количество ее литературоведческих исследований и литературных интерпретаций. Одной из первых по-настоящему удачных попыток стала знаменитая трилогия Фридриха Геббеля «Нибелунги». Из последующих вариаций на тему средневекового эпоса, созданных в XIX–XX вв., исследователи особое значение придают трем версиям: Макса Мелла, Фолькера Брауна и Хайнера Мюллера [1].

Одна из последних литературных интерпретаций «Песни о Нибелунгах» принадлежит Морицу Ринке (Moritz Rinke), современному немецкому драматургу и романисту. Его драма «Нибелунги» («Die Niebelungen») была поставлена в 2002 г. на «Фестивале Нибелунгов» в Вормсе и к 2006 г. переработана автором в две отдельные пьесы – «Женщины Зигфрида» («Siegfrieds Frauen») и «Последние дни Бургундии» («Die letzten Tage von Burgund»).

В каждом из преобразований текста эпической поэмы в новое литературное произведение история о Нибелунгах неизбежно приобретает смысловые оттенки, созвучные современности автора. В связи с этим многих немецких исследователей волнует, допустимо ли при создании очередной вариации на основе древнего литературного памятника наполнять образы его героев и изложенные в нем ситуации иными, современными смыслами? Для немецкого литературоведения это не праздный вопрос, а по-настоящему важная проблема, обусловленная существовавшей в свое время национал-социалистской интерпретацией «Песни о Нибелунгах».

Впрочем, произведение искусства, отсылающее к далекой по времени и во многом чуждой уже культуре, вполне правомерно оказывается в той или иной степени включенным в новое время, иначе оно может стать непонятным читателям-современникам. Что же касается непосредственно «Песни о Нибелунгах», то она, по утверждению Ульрики Шефер, сама побуждает писателей последующих эпох к новым прочтениям, внесению изменений и обсуждению актуальных проблем. Как известно, в «Песни о Нибелунгах» переплетено несколько временных пластов: старые скандинавские и германские сказания, время Великого переселения народов и период подъема средневековой культуры. Таким образом, средневековый автор сам, по словам У. Шефер, «сплел материал разных легенд в единое целое и превратил

существовавшие ранее истории в одну совершенно новую... а значит, он разрешает и нам присоединиться к этой игре и перенести сюжет в иные временные рамки» [2].

Безусловно, пьесы М. Ринке также отличаются от средневековой «Песни о Нибелунгах» на разных смысловых уровнях. В первую очередь обращает на себя внимание композиция драматической дилогии М. Ринке. Формально эти пьесы соответствуют двум частям «Песни о Нибелунгах»: в первой рассказывается об истории любви Зигфрида и Кримхильды, во второй – о мести Кримхильды за убийство мужа. Разделяет части смерть Зигфрида. Однако уже в разграничении двух историй имеются важные отличия версии М. Ринке от оригинала.

Первая часть «Песни о Нибелунгах» заканчивается 19-й авантюрой, где рассказывается о трауре Кримхильды, ее примирении с Гунтером и похищении Хагеном клада Нибелунгов. Все эти события можно воспринять как предсказание финальной трагедии произведения, они дают объяснение описанной далее мести Кримхильды. Вторая часть начинается сватовством короля гуннов Этцеля к Кримхильде, произошедшим через 13 лет после описанных выше событий. Три авантюры описывают сватовство и свадьбу, а весь остальной текст – события через семь лет после свадьбы, собственно мести Кримхильды. «Женщины Зигфрида» М. Ринке заканчиваются убийством Зигфрида, а все дальнейшие события – прощание, траур, похищение клада – перенесены автором в начало второй пьесы. И такой перенос кажется очень органичным, так как эти поступки героев имеют куда большее отношение к гибели бургундов, чем к истории любви.

Еще одно существенное различие в композиции связано с началом «Женщин Зигфрида». Знаменитый сон Кримхильды о соколе и появление Зигфрида в Вормсе описывается только во второй сцене. Первая сцена – своего рода увертюра – рассказывает о прощании Зигфрида с Брюнхильдой и дает возможность автору развернуть потом перед читателем историю любовного треугольника.

Кстати, именно женские образы средневекового эпоса – Кримхильда, бургундская королева, жена Зигфрида, и Брюнхильда, исландская королева, жена Гунтера, – приобретают в пьесах М. Ринке особую глубину. В первой части драматической дилогии, пьесе «Женщины Зигфрида», значительно увеличивается роль Брюнхильды. В «Песни о Нибелунгах» она является вторичным персонажем и вообще исчезает из текста во второй части поэмы. В интерпретации М. Ринке Брюнхильда превращается в одну из главных героинь и явно стоит ближе к древним истокам «Песни о Нибелунгах» (например, к «Саге о Вэльсунгах»), чем к средневековой поэме (см.: [3]).

На протяжении всей пьесы Брюнхильда страдает от трагической любви, периодически упоминая рыцаря с голубыми глазами, обещавшего вернуться за ней в Исландию. Впервые мы видим это уже в четвертой сцене,

описывающей сватовство Гунтера. Напомним, что в «Песни о Нибелунгах» Брюнхильда возмущалась тем фактом, что Зигфрид приплыл к ней, собираясь и его лишить в соревновании головы. В «Женщинах Зигфрида» мы видим совершенно иную сцену. Брюнхильда идет навстречу Зигфриду со словами: «Король, теперь Вам надо бороться! Вы готовы?» Когда Зигфрид отвечает ей молчанием, героиня продолжает в растерянности: «Я должна просто так пойти с Вами?» Зигфрид по-прежнему молчит, и Брюнхильда, не понимая ситуации, продолжает допытываться: «Ты хочешь жить со мной здесь?» [4, с. 44].

И только после такого разговора Зигфрид идет прислуживать Гунтеру: больше ничем он защититься от симпатии Брюнхильды не может, только выдать себя за вассала другого, более сильного короля. В результате Брюнхильда выходит замуж и в течение нескольких лет после замужества постоянно озвучивает и для других, и для себя тот факт, что Зигфрид – только слуга. Это и станет поводом для ссоры двух королей, которая приведет к смерти Зигфрида. Но в данном случае речь идет не о высокомерии Брюнхильды, выходявшем на первый план в средневековой поэме, а о ее ревности и страданиях. Слова «Зигфрид – слуга», которые каждый раз повторяет Брюнхильда, играют для героини роль своего рода оберега, не дают возможности разгореться тому чувству, что скрывается в ее душе.

В этом случае ссора двух королей превращается из спора об иерархии статусов в конфликт женщин, любящих одного и того же мужчину. В этой сцене у М. Ринке не только Брюнхильда оскорбляет Кримхильду, назвав ее «женой холопа». Кримхильда в ответ перед всем двором называет Брюнхильду «холопской девкой», тем самым не только оскорбляя честь королевы, но и раскрывая ее тайну. Ведь Брюнхильда позже признается Зигфриду, что «знала все в ту ночь, чувствовала, что это был ты» [4, с. 100]. И дальнейшую ее судьбу хорошо объясняют следующие слова: «Пока это было в моем сердце, я могла жить. Но потом об этом узнал весь мир... Я уже умерла. Так выглядит покойница, ты можешь больше с ней не разговаривать» [4, с. 100]. К тому же, чтобы подчеркнуть степень униженности и объяснить, почему Брюнхильда начинает желать смерти любимого человека, М. Ринке вводит эпизод, близких которому не было в средневековой поэме. Автор добавляет к сюжету диалог Брюнхильды с Гернотом, предлагающим убить Гунтера ради одной только ночи с ней. Королева в итоге не просто оскорблена Кримхильдой, она опозорена перед всем двором.

Отсюда более понятным становится и поступок Кримхильды. Она выдает Хагену уязвимое место на спине Зигфрида. И в «Песни о Нибелунгах», и в «Женщинах Зигфрида» этот поступок объясняется желанием оградить мужа от врагов. Но М. Ринке дает возможность и другого прочтения. Незадолго до ссоры королей Кримхильда догадывается, что на самом деле произошло в брачную ночь. Десятая сцена описывает диалог Кримхильды и Зиг-

фрида, во время которого она высказывает мужу свои подозрения насчет его неверности и полусхваченный подносит нож к его спине, предлагая ему убить друг друга [4, с. 81]. Именно страданиями и ревностью героини можно объяснить в итоге и ее предательство.

Сам образ Кримхильды также претерпевает в пьесах М. Ринке существенные изменения. В «Песни о Нибелунгах» она изображена автором как сильная, даже властная фигура. Да, она вписана в придворный контекст, подчиняется сначала братьям, а потом – мужу, но, с другой стороны, уже с самого начала она действует согласно собственному жизненному плану, она тщеславна (в споре королев именно Кримхильда первой задирает Брюнхильду) и величественна. У М. Ринке Кримхильда превращается из властной женщины с сильным характером в человека, стремящегося изменить мир к лучшему и не находящего поддержки ни в семье, ни у мужа. Она выступает против застывшей придворной жизни, даже пытается вместе с Гизельхером найти новую форму правления. Одна из ее первых реплик в пьесе звучит следующим образом: «Я уже давно не могу дышать здесь. В этой стране мне не хватает воздуха, вы меня понимаете?.. Мы ведем совершенно бессмысленную жизнь...» [4, с. 19]. Образ Кримхильды в «Женщинах Зигфрида» – это смесь детского бунтарства и беспомощного отчаяния.

Единственный человек, поддерживающий идеи Кримхильды, – ее брат Гизельхер. Правда, после возвращения Гунтера и Зигфрида из Исландии принцесса надеется найти еще одного соратника; и это, как ни удивительно, не ее будущий муж. Кримхильда на него почти не смотрит, просто отмечает, что он красив. Все ее внимание поглощено Брюнхильдой. Именно в исландской королеве она находит родственную душу и мечтает сблизиться с ней, как сестра. «Я чужая в вашем мире, но должна здесь жить!» – восклицает Брюнхильда. И Кримхильда ей отвечает: «Мне кажется, сестра, мы могли бы создать новый мир. Давай вместе найдем что-то новое и великое!» [4, с. 49]. Но, к сожалению, Брюнхильда не откликается на ее призыв: все ее мысли поглощены Зигфридом, рыцарем с голубыми глазами.

Особую глубину образ Кримхильды обретает во второй пьесе М. Ринке – «Последние дни Бургундии». В первых ее сценах автор прощается с Брюнхильдой, описывая, как она с помощью Хагена крадет и сжигает тело Зигфрида, убивая одновременно и себя (и эти события вновь отсылают нас к эддическим песням). После этого все внимание будет перенесено на Кримхильду.

Во второй части «Песни о Нибелунгах» Кримхильда превращалась в фурию, в женщину, одержимую лишь жаждой мести. В пьесе М. Ринке перед нами сложный персонаж, частично также более приближенный к скандинавскому варианту его интерпретации (см.: [5]). Сначала, после убийства Зигфрида, Кримхильда кажется сошедшей с ума: она таскает за собой гроб с телом Зигфрида и ищет виновного в его смерти. Королева обвиняет всех

по очереди, пока Хаген не скажет ей о ее собственной вине. Позже, когда героиня соглашается вступить в брак с королем гуннов Этцелем, она начинает вынашивать планы мести. Но М. Ринке не ограничивается созданием образа мстительной фурии. Он показывает свою героиню счастливой в новом браке: через какое-то время она почти забыла о трагических событиях прошлого, воспитывает сына, нашла подобие того государства, о котором мечтала, и не хочет больше думать и вспоминать о Бургундии. По иронии судьбы бургунды сами напоминают ей о том, что она была женой Зигфрида и хотела отомстить за его убийство. Не думая о том, что Кримхильда могла измениться, они (и в первую очередь Хаген) видят в ней прежнюю королеву и ведут себя соответствующим образом. Это и спровоцирует финальную трагедию всей истории.

Однако М. Ринке не ограничивается внесением изменений в характер и поведение некоторых действующих лиц истории о Нибелунгах. Кроме этого, драматург вводит в повествование новых персонажей. Один из наиболее ярких примеров – Изольда, помощница Брюнхильды, приехавшая вместе с ней в Вормс. Этот образ, очевидно, необходим автору для того, чтобы внести изменения в характер Хагена из Тронье, любовь которого к Изольде вносит новые смысловые оттенки в повествование. Хаген предстает перед нами в «Женщинах Зигфрида» как тонко чувствующий человек, а последующее его ожесточение в некоторой степени оправдывается несостоявшимся чувством.

Как видим, большое количество очевидных изменений в сюжет о Нибелунгах вносится автором на так называемом эмоциональном уровне интерпретации текста. М. Ринке предлагает нам одно из возможных толкований тех или иных событий поэмы, придавая и рассказанной истории, и отношениям между героями новое, более современное звучание.

Кроме того, автор вносит изменения и на других уровнях организации текста, прежде всего давая ответ на вопрос о причинах финальной гибели бургундов-Нибелунгов. На этих вопросах в большей степени акцентирует внимание вторая из пьес – «Последние дни Бургундии». После убийства Зигфрида при Вормском дворе царит атмосфера вины, недоверия, страха и враждебности. За каждой дверью – боязнь преследования, опасение, что тайну убийства Зигфрида раскроют. М. Ринке мастерски описывает здесь своего рода политическое параноидальное межвременье, которое прекрасно объясняет дальнейшее развитие событий. Уже здесь явно прочитывается предчувствие мести Кримхильды.

В этой драме М. Ринке ярко демонстрирует нам мотив коллективной вины в смерти Зигфрида. Не виноват в ней только Гизельхер, младший из Кримхильдиных братьев. Но он один не может ничего сделать в этой ситуации. Единственное, что ему остается, – постоянно напоминать братьям о

том, что они совершили. Вот достаточно показательный отрывок. Гизельхер снимает с головы Гунтера корону и говорит: «Что это? Форма из золота с круглым отверстием, вот и все, но это так утомительно и ужасно, вечно носить ее. Говорю вам: в этой отвратительной дыре теряешься, человек пропадает. В конце концов правит только дырка, без человека внутри. Король минус Гунтер, говорю я, как ужасно». И чуть ниже, обращаясь к Брюнхильде: «Дорогая королева, я так жажду, что исландцы ворвутся сюда и сожгут все здесь, и титулованных особ, и этот двор убийц, все королевство» [4, с. 115].

В пьесе постоянно повторяется, что вина лежит не только на Хагене, все так или иначе причастны к убийству Зигфрида. И в этом можно увидеть явную отсылку к теме «непреодоленного прошлого», столь важной для немецкой литературы XX в.

Автор позволяет совершенно по-новому интерпретировать и некоторые другие ключевые для прочтения средневекового эпоса понятия. В частности, речь идет о выражении «верность Нибелунгов», созданном в 1909 г. рейхсканцлером Герхардом фон Бюлловом. Это выражение принято было трактовать как нерушимую верность братскому союзу до смерти. Но М. Ринке – современный автор, безусловно, знакомый с нацистским прочтением «Песни о Нибелунгах» и ее использованием ими в своих целях, – постоянно иронизирует над понятием «верность». Это слово неоднократно повторяют бургундские короли, не относясь, однако, серьезно ни к своим словам, ни к понятию верности как таковой. «Да, верность, верность, верность. Звучит почти как угроза. Да, верность!» – говорит Гунтер. И сразу же после этого смеется и отправляется есть [4, с. 91]. Да и сама Кримхильда в предпоследней сцене вновь рассуждает о верности. Одна из ее реплик звучит особенно показательно: «Вот этого я не люблю в своем народе: иногда он хранит верность, иногда нет» [4, с. 233]. В версии М. Ринке бургундов вынуждает держаться как раз не преданность, а чувство вины, зависимость и страх. Доверия нет даже между соратниками и братьями. И в данном случае автор показывает нам отношения внутри политической касты на ее пути к упадку.

Впрочем, месть Кримхильды тоже не так проста. В чем же причина гибели бургундов? И есть ли разница в трактовке этой причины в средневековой «Песне о Нибелунгах» и в современной драме «Последние дни Бургундии»? По одной из версий, причина этих трагических событий в древнем эпосе – золотой клад, послуживший толчком для раздоров. Именно о кладе спрашивает Кримхильда Хагена и, не получив ответа, приказывает убить Гунтера, что и ставит точку во всей этой истории. Однако многие исследователи отмечают, что клад – это только повод, или попытка отдать дань скандинавской версии истории о Нибелунгах, в которой Атли зазывает к себе бургундов, чтобы завладеть кладом Сигурда, наследием его жены. Существует версия, согласно которой средневековый автор предостерегал от

попадания власти в женские руки, о том, что это и будет началом конца. Здесь принято цитировать 6-ю строфу песни: «*Si stürben sît jæmerliche von zweier edelen frouwen nît*» [6, с. 6].

У. Шефер отмечает, что автор хотел «высказать несколько другую идею: показать, как не надо поступать» [2]. Как одна из причин катастрофы в данном случае рассматривается «*uebermuete*» (принято переводить как «высокомерие», «заносчивость»). Исследовательница интерпретирует это понятие как «неспособность знать меру» [2]. И тут же задает вопрос, насколько эта проблема актуальна для современной Германии. И в таком контексте версия М. Ринке звучит весьма современно. Как отмечает немецкий драматург Д. фон Дюфель, в «Последних днях Бургундии» М. Ринке «удался двойной фокус: он не просто пересказывает миф о гибели Нибелунгов, но продолжает историю персонажей – так, как она на самом деле могла бы повернуться, – и одновременно превращает эту историю в миф» [7, с. 248].

Таким образом, двойная драма Морица Ринке дает читателю и зрителю возможность увидеть героев средневекового эпоса как живых людей, которым присущи глубокие переживания и чувства, которые принимают трудные решения, и это приближает древнюю историю к нашему времени, придает ей более современное звучание. Кроме того, Мориц Ринке освобождает историю гибели бургундов-Нибелунгов от национал-социалистской предвзятой трактовки, что также позволяет прочитать и понять средневековый литературный памятник по-новому.

Литература

1. *Martin, E.* Die Nibelungen zwischen Hebbel und Rinke / E. Martin // Nibelungenlied-Gesellschaft. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nibelungenlied-gesellschaft.de/03_beitrag/martin/fs03_mart.html. – Дата доступа: 6.04.2014.
2. *Schäfer, U.* Darf Brunhild Hagen lieben? Möglichkeiten und Grenzen bei der Bearbeitung des Nibelungenlieds / U. Schäfer // Nibelungenlied Gesellschaft. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nibelungenlied-gesellschaft.de/03_beitrag/schaefer/fs07_uli.html. – Дата доступа: 6.04.2014.
3. *Гуревич, А. Я.* Брюнхильд / А. Я. Гуревич // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М., 1991. Т. 1. С. 188.
4. *Rinke, M.* Die Nibelungen; Siegfrieds Frauen; Die letzten Tage von Burgund / M. Rinke. Reinbek bei Hamburg, 2007. – 248 с.
5. *Гуревич, А. Я.* Гудрун / А. Я. Гуревич // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М., 1991. Т. 1. С. 339–340.
6. *Das Nibelungenlied* : Mhd. Text und Übertragung / hrsg. von H. Brackert. Frankfurt a. M., 1995. – 304 с.
7. *Düffel, J.* Die unendliche Ausgrabung : Nachwort / J. Düffel // Die Nibelungen; Siegfrieds Fraue; Die letzten Tage von Burgund / M. Rinke. Reinbek bei Hamburg, 2007. S. 242–248.